Жуковского. Оно является лишь первой ступенью великой тоски по Христу и его мудрости в русской классической литературе. И на Западе бессмертное слово классиков русской поэзии именно сегодня звучит все более ясно и многозначительно» [20, с. 315].

К монографии о Жуковском примыкает ряд статей Эллиса о поэте. В 1930 г. в ежемесячнике «West-östlicher-Weg» как самостоятельная публикация появилась часть последней главы монографии (об «Агасфере»; [24]). В другом еженедельнике появляется его короткая статья о Жуковском как о первом русском романтике. Здесь важна параллель между Жуковским и Фетом — последним романтиком, поэзия которого является «крупнейшим событием русской духовной лирики» [25, с. 664].

Доминанту в восприятии Эллисом Пушкина выражает подзаголовок его монографии о поэте — «Религиозный гений России» [21]. Эллис считает, что именно религиозный путь Пушкина является наименее изученной стороной его творчества. Для исследователя важно, что Пушкин одновременно был и великим национальным художником и универсальным классическим поэтом, принадлежащим мировой литературе. Трагическая коллизия, находящаяся в центре исследования,— это борьба Пушкина-человека с религиозными сомнениями. Однако Пушкин-поэт, носитель народного сознания, достигает истинных духовных вершин Святой Руси.

Важной вехой на его религиозном пути становится влияние Чаадаева (отношениям между ними посвящена отдельная статья Эллиса, основанная на анализе переписки между двумя писателями; см.: [26]). Перелом в религиозном сознании Пушкина относится к пребыванию его в Михайловском (1824—1826); отсюда начинается отсчет движения поэта к тому просветлению и преображению всего его существа, вершиной которого, как считает Эллис, стала смерть поэта (феномену смерти Пушкина посвящена специальная статья Эллиса 1929 г.; см.: [27]). Эллис не может не подчеркнуть, что всецело принадлежащий православию, Пушкин все же понимал значения и даже некоторые преимущества римско-католического вероисповедания. Еще в 1928 г. Эллис опубликовал в собственном переводе на немецкий «Путешествие в Арзрум», в примечаниях к которому специально выделил те места, где Пушкин говорит о живом, духовном центре католичества [28].

Особое внимание Эллиса сосредоточено на религиозных основах пушкинских драматических творений. Именно эти основы, наряду с собственно эстетическими достоинствами, позволяют оценить «Бориса Годунова» не только как «первое подлинное драматическое творение русской литературы», но и как «в дальнейшем никогда не превзойденный образец русской драматургии» [21, с. 60]. «Итак, Пушкин создал колоссальную трагедию, истоки которой — добрые и злые — невидимыми путями проистекают из мира потустороннего, события которой возникают из материала исторической действительности под непосредственной воздействием неземных, светлых или темных сил. ⟨...⟩ Этот синтез новой драмы, драмы индивидуальных личностей в шекспировском духе и мистической трагедии, обуславливаемой божественным провидением (подобной сакральной драматургии Индии и Греции или драмам Кальдерона) возводит пушкинского «Бориса Годунова» к величайшим произведениям всех времен и делает ее образцом религиозно-народной трагедии будущего» [21, с. 70]. В отдельной статье, об этой трагедии она ставится рядом с лучшими произведениями Шекспира, Шиллера, Ф. Геббеля и Р. Вагнера, и проводятся аналогии между атмосферой Смутного времени «Бориса Годунова» и актуальной историко-политической ситуацией конца 1920-х г. в СССР [29, с. 444]. Тот же синтез шекспировской драмы свободного развития характеров-личностей и мистической предопределенности изображаемого, исходящей из древних религиозных трагедий, определяет в монографии Эллипса своеобразие «Маленьких трагедий» [21, с. 89—90].

Не менее высоко критик оценивает Пушкина-прозаика, который, по его мнению, определил магистральные пути русской прозы, а повесть «Капитанская